

КРИЗИС «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» В КОНЦЕ 70-х ГОДОВ

В. А. ТВАРДОВСКАЯ

История зарождения и развития народовольчества изучена недостаточно. В работах, посвященных революционному народничеству 70-х годов, народовольчество с самого начала своего возникновения предстает вполне сложившимся направлением. До сих пор не исследован сложный и противоречивый процесс ломки старых анархистских понятий и зарождения новой народнической организации в недрах старой¹. Новое направление в народничестве характеризуется обычно как единое, цельное течение, без всяких внутренних противоречий.

Цель статьи — показать процесс развития «политического» направления в народничестве от его стихийного зарождения в конце 1878 г. до идейного и организационного оформления на Липецком съезде.

Революционные народники 70-х годов в большинстве своем были сторонниками анархизма. Правда, объективно их деятельность носила политический характер, будучи направленной против существующего режима. Программа «Земли и воли» определяла цель ее революционной деятельности как подготовку крестьянского восстания, которое осуществило бы одновременно экономический и политический переворот и воплотило бы в жизнь «анархию и коллективизм»². Поэтому программа отрицала борьбу за политические свободы как самостоятельную задачу революционеров.

Корни анархизма лежали в самой идеологии народничества, в вере в возможность миновать капиталистическое развитие, «выскочить из капитализма или перескочить через него каким-нибудь путем кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма»³.

Отход от анархистских иллюзий был неизбежным результатом опыта революционной практики и тех изменений в самой идеологии народничества, которые были вызваны неудачей работы в народе. Эти изменения были еще скрытыми, почти неуловимыми; основы народнической идеологии еще не были подорваны. Но все же кризис народничества в его землевольческой форме в конце 70-х годов можно считать началом, симптомом, провозвестником общего кризиса народничества как идейно-политического течения. Неудача деятельности в народе была закономер-

¹ См. монографии буржуазно-либеральных авторов: В. Я. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов, М., 1912; его же. Из истории общественно-политической борьбы в 70—80-х годах XIX в., М., 1912; Б. Б. Глинский. Революционный период русской истории 1861—1881 гг., ч. II, СПб., 1913; А. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II, 1855—1881, М., 1909. См. также работы советских авторов: В. О. Левицкий. Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель, М.—Л., 1928; М. Поташ. Народнический социализм, М.—Л., 1930. В исследовании Ш. М. Левина «Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в.» (М., 1958) этой проблеме уделено крайне мало места, как, впрочем, и всему революционному народничеству 70-х годов. См. также книгу итальянского историка F. Venturi. Il populismo russo, Vol. I—II, Torino, 1952.

² «Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли», М., 1932, стр. 58—59.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 33.

на, так как народники руководствовались утопической теорией с ее верой в «особый уклад, в общинный строй русской жизни», в «коммунистические инстинкты мужика». В результате неуспеха работы в деревне у народников появилось разочарование в ней. По словам Г. В. Плеханова, деятельность в деревне «перестала казаться им вернейшим и скорейшим средством повалить существующий порядок»⁴. Ослабевают их вера в возможность крестьянской социалистической революции. Народники начинают искать новых путей борьбы, обращаются к «политике», которой они избегали раньше.

В. И. Ленин так охарактеризовал эту эволюцию народничества 70-х годов: народникам «на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве,— и вся работа была направлена на борьбу с правительством»⁵.

Действительных причин свей неудачи народники не поняли. Поворот на новый путь борьбы они объясняли не ошибочностью своей старой программы, а репрессиями правительства, будто бы сделавшими невозможными работу в народе. Однако, когда вера народников в крестьянскую революцию была сильна, репрессии не казались им непреодолимым препятствием. Лишь тогда, когда стала исчезать эта вера — этот стимул, толкавший их в народ,— тогда они в правительственных преследованиях стали видеть причины своей неудачи, а в борьбе с правительством — возможность нового пути.

Г. В. Плеханов правильно утверждал, что революционное народничество погибало «не под ударами полиции, будто бы загородившей революционной интеллигенции все пути к народу, а в силу неблагоприятного для него настроения тогдашних революционеров, которым во что бы то ни стало хотелось «отомстить» правительству за его преследования и вообще вступить с ним в «непосредственную борьбу», т. е., собственно говоря, как можно скорее добиться конституции»⁶. Но нельзя и совершенно игнорировать влияние на народников «ударов полиции», как это делает Плеханов. Как ни избегали народники политики, она стихийно, на каждом шагу вырывалась в их борьбу.

С. Л. Перовская объясняла на следствии: «Правительство само заставило партию обратить внимание на наши политические формы как на главное препятствие народного развития...»⁷.

Много сделали в смысле «политического» воспитания революционеров-народников крупнейшие политические процессы 1877—1878 гг. (процесс участников Казанской демонстрации, процессы 193-х и 50-ти).

Поворот в деятельности и последовавший за ним перелом во взглядах народников был ускорен обстановкой надвигающейся революционной ситуации 1879—1880 гг. Оживление движения народных масс, особенно рабочего движения, способствовало росту политической активности народников, сосредоточению их деятельности в городах. Так, в письме из «центра» «Земли и воли» от 15 января 1879 г., сохранившемся в архиве «Земли и воли» в копии Л. А. Тихомирова, с вызовом «деревенщиков» в город доказывается необходимость временно сосредоточить силы организации на работе среди городских слоев, в первую очередь среди рабочих и молодежи. Это обосновывалось тем состоянием брожения, в котором находились городские слои, особенно рабочие. «Оставаться только зрителями этого движения,— говорилось в письме,— значит признать свою полную ненужность для народа и неспособность дать ему что бы то ни было. При таком способе действий мы, как партия, уничтожаемся,

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 97.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 259.

⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 99—100.

⁷ ЦГИАМ, ф. ОППС, 112, оп. 1, ед. хр. 522, л. 13.

выходим в тираж»⁸. Революционная ситуация обострила противоречия между анархистской программой «Земли и воли» и теми задачами, которые ставила жизнь, выдвигая на первый план борьбу с самодержавием и остатками крепостничества.

Первыми вступили на путь политической борьбы революционеры южных кружков (конец 1877 — начало 1878 г.). Но борьба «южан» оставалась стихийной, требование политических свобод для них не стало программным. Дальше отдельных фактов политического террора они не пошли.

В центральной организации «Земля и воля», у «северян», симптомы нового направления проявились в 1878 г. А. Д. Михайлов считает его «новой фазой борьбы», у А. Н. Желябова он определен как «переходный». М. Н. Ошанина называет это время «периодом революции в «Земле и воле»». В воспоминаниях М. Р. Попова 1878—1879 гг. охарактеризованы как «критические в освободительном движении 70-х годов», как «годы перелома в революционной психологии этой эпохи». У О. В. Аптекмана 1878 г. выступает как «канун террористического периода»⁹.

Выстрел В. И. Засулич в петербургского градоначальника Трепова 24 января 1878 г. открывает ряд политических покушений «южных» революционеров. На севере движение развивается медленнее, но и здесь террор переходит в систему. 4 августа 1878 г. происходит казнь революционерами шефа жандармов Мезенцева, 1 марта 1879 г. — убийство шпиона Рейнштейна, 13 марта — покушение на шефа жандармов Дрентельна. Учащаются и становятся правилом вооруженные сопротивления при арестах, при побегах из тюрем и ссылок. «Никогда в истории не было столь настойчивого повторения покушений на жизнь представителей монархического принципа как в текущем 1878 году», — писала газета «Земля и Воля»¹⁰. Начавшийся политический террор был признаком отмирания народничества в его землевольческой форме, с его верой в крестьянскую социалистическую революцию. «Террор был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания», — писал В. И. Ленин¹¹.

Программа «Земли и воли» не отрицала террора¹². Но террор рассматривался землевольцами не как средство политической борьбы, а лишь как способ «дезорганизации» существующего строя, который должен был облегчить осуществление экономического и политического переворота, как средство самозащиты революционеров. Таким образом, в самой программе были заложены противоречия. Ведь «самозащита» революционеров в условиях политического произвола есть не что иное, как борьба за политические права.

Смысл политических убийств 1878—1879 гг. уже противоречил землевольческой программе, хотя сами революционеры еще не понимали этого. В объяснениях на суде участников политической борьбы, в органе «Земля и Воля» и в прокламациях террор представляется еще как средство мести и самозащиты революционеров, не преследующее политических целей. Но наряду с этим революционеры требуют от правительства уважения «человеческих прав», «гарантии прав личности»¹³.

⁸ «Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 99.

⁹ См. соответственно: А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Народно-волец А. Д. Михайлов, Л.—М., 1925, стр. 122; «Из речей на суде А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, С. Л. Перовской», «Былое», 1906, № 3, стр. 65; М. Н. Полонская Я. Показания. «Былое», 1907, № 6, стр. 3; М. Р. Попов. Из моего революционного прошлого. «Былое», 1907, № 7, стр. 241; О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг., Пг., 1924, стр. 325.

¹⁰ «Революционная журналистика семидесятых годов», Ростов-на-Дону, 1906, стр. 103.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 99.

¹² «Архив «Земли и воли» и «Народной Воли», стр. 62.

¹³ ЦГИАМ, ф. ДП, Коллекция нелегальных изданий. Прокламации, изданные Вольной Русской Типографией: «Покушения на жизнь Трепова 13 июля—24 января»,

Стихийность зарождения политической борьбы, противоречивость во взглядах народников особенно ярко проявились в брошюре, выпущенной «Землей и волей» по поводу убийства шефа жандармов Мезенцева — «Смерть за смерть». Автором ее был С. Кравчинский, убивший Мезенцева. В брошюре отрицаются политические мотивы убийства: «Мезенцев убит нами не как человек, занимающий пост шефа жандармов... генерал-адъютант Мезенцев убит нами как человек, совершивший ряд преступлений, которые мог и должен был не совершать». В полном соответствии с программой «Земли и воли» декларируется «совершенное безразличие» к политическим формам. «Давайте или не давайте конституцию,— писал С. Кравчинский,— призывайте выборных или не призывайте, назначайте из землевладельцев, попов или жандармов — это нам совершенно безразлично». В противоречии с этими анархистскими положениями находится заявление об объявлении правительству войны до тех пор, пока оно не удовлетворит требований революционеров — проведения административно-политических реформ, амнистии политическим преступникам, свободы слова, убеждений и печати и т. д.¹⁴

Постепенно в ходе борьбы с правительством народники все более приближаются к пониманию действительного смысла событий. Все отчетливее звучат в их прокламациях и публицистике ноты политического протеста. Прокламация по поводу покушения на Дрентельна в этом отношении уже отличается от брошюры «Смерть за смерть». В ней заявлялось: «Нам нет надобности указывать здесь преступления Дрентельна. Он достоин смерти уже за одно то, что был при существующих политических условиях шефом жандармов»¹⁵.

Террором не исчерпывались проявления нового направления, зародившегося в «Земле и воле». Агитация и пропаганда среди городских слоев, организация политических демонстраций и участие в них — таковы другие, хотя и менее заметные, симптомы нового направления.

Демонстрации в 1878—1879 гг. выдвигаются как важные средства борьбы. В марте 1878 г. на похоронах Подлевского, умершего в Доме предварительного заключения, землевольцы организовали демонстрацию протеста¹⁶. Характер протеста против существующего политического строя имела и демонстрация 31 марта 1878 г. после оправдания В. Засулич¹⁷. Землевольцы организовали рабочую демонстрацию по случаю смерти от взрыва рабочих патронного завода¹⁸. Была предпринята попытка организовать студенческую (так называемую «паленскую») демонстрацию протеста с адресом министру юстиции гр. Палену¹⁹.

В 1878 г. землевольцы значительно большее, чем раньше, внимание начали уделять работе среди молодежи. Представители «Земли и воли» участвовали во всех крупных студенческих сходках и собраниях. Типография «Земли и воли» даже выпустила прокламации, обращенные к студенческой молодежи: «К студентам всех высших учебных заведений» и «Ко всем, кому ведать надлежит»²⁰.

«К русскому обществу», «Ко всем честным людям»; издания Петербургской Вольной Типографии: «Казнь агента тайной полиции Рейнштейна», «О покушениях на жизнь шефа жандармов Дрентельна».

¹⁴ С. М. Кравчинский. Смерть за смерть, Пг., 1924, стр. 19—20, 17.

¹⁵ ЦГИАМ, ф. ДП, Коллекция нелегальных изданий. «О покушениях на жизнь шефа жандармов Дрентельна», изд. С.-Пб. Вольной Типографии.

¹⁶ См. ЦГИАМ, ф. 109, 3 экз., 1878, ед. хр. 133; М. Р. Попов. Указ. ст., стр. 242—243; О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 309.

¹⁷ См. А. А. Кункль. Вокруг дела Веры Засулич. «Каторга и ссылка», 1928, № 1, стр. 63; О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 309; А. д. р. Михайлов. Автобиография. Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40, стр. 269.

¹⁸ О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 318—320; Г. В. Плеханов. Соч., т. III, Русский рабочий в революционном движении, стр. 155—159.

¹⁹ О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 309.

²⁰ ЦГИАМ, ф. ДП, Коллекция нелегальных изданий.

К 1878 г. обнаружили и новые черты в деятельности землевольцев среди рабочих. Землевольцы никогда не игнорировали деятельность среди рабочих, но цель ее видели в вербовке пропагандистов для деревни. Исходя из этого определялись и задачи ее — заведение связей и пропаганда между отдельными личностями среди рабочих²¹.

Оживление рабочего движения заставило землевольцев вопреки их теоретическим построениям обратить серьезное внимание на рабочих. По словам Плеханова, землевольцы шли к рабочим «не то чтоб против воли, а так сказать *против теории*». Но они все более — вопреки старой программе — увлекались деятельностью среди рабочих, которая при меньших затратах сил «оказывалась несравненно более плодотворнее, чем наши излюбленные поселения в народе»²². В 1878 г. землевольцы были вовлечены в борьбу рабочих, они приняли участие в ряде стачек, а некоторые из них сами организовали.

В марте 1878 г. на Новой бумагопрядильне, в ноябре того же года — на бумагопрядильной фабрике Кенига они фактически руководили стачками, поддерживали сопротивление рабочих материальными средствами. В январе 1879 г. землевольцы активно участвовали в совместной стачке рабочих фабрик Шау и Новой бумагопрядильни. Около 1500 рабочих в течение двух месяцев оставались без заработка. Землевольцы наладили сбор средств в их пользу. Была выпущена прокламация «К рабочим всех фабрик и заводов»²³, призывавшая рабочих к выдержке. С участием землевольцев прошли и закончились победой рабочие стачки на фабрике Москвелла, на табачных фабриках Шапшал и Мичри, на фабрике Торнтон, на Охтенском заводе²⁴.

Ряд этих стачек имел в виду В. И. Ленин, когда писал: «В конце 70-х годов происходят очень крупные стачки в Петербурге, социалистами делается попытка воспользоваться случаем для усиления агитации»²⁵.

На основе практического опыта по-новому ставится рабочий вопрос и в публицистике. В передовой статье четвертого номера «Земли и Воли» (февраль 1879 г.) Г. В. Плеханов утверждал, что рабочие в революции будут иметь самостоятельное значение. Плеханов видит его в активном содействии крестьянской революции, а не только в ее подготовке, как это представляли раньше. Т. е. фактически народники по-прежнему не отводили пролетариату самостоятельного места, по-прежнему не понимали его руководящей роли в революционном движении. Рабочий вопрос оставался частью (причем подчиненной) аграрного вопроса. Однако новый подход к рабочим позволил поставить более широкие практические задачи.

Не заведение связей среди отдельных рабочих и пропаганда в их среде, а агитационное воздействие на массу пролетариата, ее «революционизирование» и «организация»²⁶, так ставит вопрос передовая № 4 «Земли и Воли». Агитация должна была вестись на почве местных нужд рабочих.

Практическая деятельность среди рабочих в 1878—1879 гг. и теоретическая постановка рабочего вопроса были одним из проявлений кризиса «Земли и воли».

Агитация и пропаганда народников на фабриках и заводах, участие их в стачках, попытки создания рабочих организаций имели большое

²¹ «Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли», стр. 57.

²² Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 139.

²³ ЦГИАМ, ф. ДП, Коллекция нелегальных изданий.

²⁴ Об участии землевольцев в этих стачках см. О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 320—322; Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 171—180; Р. М. Плеханова. Периферийный кружок «Земли и Воли». «Группа «Освобождение Труда», сб. 4. М.—Л., 1928, стр. 78; А. П. Моисеенко. Воспоминания, М., 1924, стр. 17; А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Указ. соч., стр. 135; «Рабочее движение в России», сб. док. и материалов под ред. А. М. Панкратовой, т. II, ч. II, М., 1950, стр. 319—322, 323.

²⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 67.

²⁶ «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 194, 196.

значение в деле пробуждения революционного сознания рабочих. Но народникам, идеологам мелкого производителя не удалось вовлечь их в массовое участие в революционном движении. Рабочие не стали для них главным объектом приложения сил. Рабочее движение оставалось стихийным, так же как народническое движение оставалось без поддержки широких рабочих масс. В. И. Ленин в этом видел слабость и того и другого: «У нас социализм существовал очень долго, в течение многих десятилетий, *в стороне* от борьбы рабочих с капиталистами, от рабочих стачек и пр. С одной стороны, социалисты не понимали теории Маркса, считали ее неприменимой к России; с другой стороны, русское рабочее движение оставалось еще в совершенно зачаточной форме»²⁷.

1878—1879 гг. характеризуются все большим разворачиванием «городской деятельности» «Земли и воли», все большим сосредоточением на этой деятельности всех сил организации. После провала осенью 1878 г. основного кружка «Земли и воли», когда организация лишилась таких видных своих членов, как О. Натансон, А. Оболев, Адр. Михайлов, Л. Буланов, В. Троцкий, А. Малиновская, особенно остро встал вопрос о направлении дальнейшей деятельности землевольцев, так как сил было очень мало. По свидетельству Г. В. Плеханова, А. Д. Михайлов предложил временно свернуть работу организации в деревне²⁸.

Как попытку обоснования нового курса, можно рассматривать записку землевольца А. А. Квятковского о кризисе в организации, относящуюся к началу 1879 г. Деятельность в деревне здесь категорически отрицалась. В одном из тезисов записки говорилось: «Вопрос относительно поселений. При данных условиях нет веры»²⁹. Более важными и неотложными задачами организации, чем деятельность в деревне, Квятковскому представлялись «питерские дела... Газета, сношения с обществом, сношения с молодежью, сношения с рабочими. Забота о сидящих товарищах. Далее. Освобождение и месть»³⁰. Перед нами программа политической борьбы организации³¹.

Городская деятельность, особенно террор, все больше начинает захватывать землевольцев. Один за другим покидают землевольцы поселения. Часть сил была отозвана «центром» (так, по вызову оставили деревню в начале 1879 г. М. Р. Попов, О. В. Аптекман), часть бежала от преследований властей (сестры И. Н. и Е. Н. Фигнер, Л. Н. Гартман) и наконец, другие, а таких становилось все больше — сами бросали работу в деревне, не веря больше в ее успех (например, А. А. Квятковский). Свежий приток сил в деревню почти прекратился. В конце 1878 г., по свидетельству О. В. Аптекмана, существовало «два только землевольческих поселения: новосаратовское и тамбовское, резко обозначившиеся по причине круто изменившегося революционного настроения...»³². В конце ноября 1878 г. Г. А. Лопатин писал Ф. Энгельсу о положении дел в революционной России: «Социалистическая пропаганда среди крестьян,

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 236—237.

²⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, Воспоминания об А. Д. Михайлове, стр. 164. Это подтверждается и другими свидетельствами. См. О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 339; М. Р. Попов. Указ. ст., стр. 276.

²⁹ «Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли», стр. 103.

³⁰ Там же, стр. 103—104.

³¹ Яркой иллюстрацией того, насколько деятельность «Земли и воли» в последний год ее существования отклонилась от ее программы, может служить кассовая книга общества. По итогам, подведенным А. Д. Михайловым за период с 31 октября по 14 августа 1879 г. (т. е. до последнего дня существования «Земли и воли»), касса «Земли и воли» исчислялась суммой 5964 руб. 95 коп. На долю городской деятельности (содержание конспиративных квартир, канцелярии, «городских» членов) приходилось 2745 руб. 85 коп. (т. е. почти $\frac{1}{2}$ суммы), на «дезорганизацию» (террор) — 1329 руб. (т. е. почти $\frac{1}{4}$). Расходы на деревню составили 872 руб. 50 коп. (т. е. $\frac{1}{7}$ часть суммы). («Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли», стр. 144—145).

³² О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 340.

по-видимому, почти прекратилась. Наиболее энергичные из революционеров перешли инстинктивно на путь чисто политической борьбы, хотя и не имеют еще нравственного мужества открыто сознаться в этом»³³.

Зарождение нового направления, его борьба с защитниками старых анархистских догм отразилось в землевольческой публицистике. Идеальный кризис народничества в его землевольческой форме проявился и на страницах «Земли и Воли». С одной стороны, «Земля и Воля» продолжала отрицать необходимость борьбы с существующим политическим строем. Передовая первого номера утверждала: «Обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью значило бы оставить свою прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной, временной». Эта мысль подкрепляется типично бакунистскими доводами о том, что партия, занимающаяся политической борьбой, не будет иметь «никаких корней в народе» и не сможет воспользоваться плодами победы, которые достанутся буржуазии, еще более усилив ее.

Русскому голодному и оборванному мужику, доказывала «Земля и Воля», свобода не нужна, он не сможет ею воспользоваться и сохранить ее, если до этого не получит землю и не станет экономически независимым³⁴.

Но, выступая против нового направления, защитники старой программы не могли ему противопоставить ничего, кроме прежнего, уже доказавшего свою бесперспективность способа борьбы. В этом проявилась их идейная несостоятельность.

Наряду с анархистскими положениями программы в газете находят отражение идеи, характерные для сторонников нового направления. «Земля и Воля» на своих страницах освещает факты начавшейся политической борьбы с правительством, предоставляет трибуну первым политическим революционерам, таким как С. Бобохов, В. Дубровин, Г. Гольденберг. Полемизируя с либеральной газетой «Голос» о значении убийства Мезенцева, «Земля и Воля» защищает террор как форму политической борьбы. В ответ на утверждения «Голоса» о том, что убийства никогда не служили делу свободы, газета заявляла, что «не только они зачастую служили ему, они даже в некоторых случаях неразрывно слились в памяти народа с самим именем свободы». В качестве примеров приводились легендарные имена Вильгельма Телля, Юдифи, Милоша Обреновича³⁵. И это напечатано в том же первом номере, где декларируется, что «с борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего».

Борьба в редакции усилилась, когда после отъезда за границу С. М. Кравчинского и ареста Д. Клеменца (февраль 1879 г.) в редакции остались Г. В. Плеханов, Н. А. Морозов и был введен Л. А. Тихомиров. Плеханов и Морозов представляли противоположные направления в «Земле и воле». Первый последовательно защищал старую программу, второй был сторонником политической борьбы, крайним террористом. Тихомиров еще не определил окончательно свою позицию, но склонялся к признанию политической борьбы. Соотношение сил в редакции отражало складывающееся соотношение сил в организации. Усиливающаяся потребность «политиков» все более полно и определенно выражать свои взгляды в органе «Земля и Воля» и препятствия к этому со стороны «деревенщиков» настолько обострили борьбу в редакции, что встал вопрос об отдельном издании для «политиков». Так возник «Листок «Земли и Воли»», первый номер которого вышел 12 марта 1879 г.

«Листок» сделал шаг вперед в преодолении стихийности развития нового направления. В номере появилась статья редактора «Листка» Н. А. Морозова, где по-новому рассматривался вопрос о борьбе с пра-

³³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1947, стр. 230.

³⁴ «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 119.

³⁵ Там же, стр. 97.

вительством. «Политическое убийство — это осуществление революции в настоящем» — таков основной тезис статьи. Речь здесь идет о революции против «деспотизма», т. е. политической. Статья важна прежде всего этим открытым, определенным провозглашением политической борьбы с правительством. Морозов развивает мысль о том, что политические убийства — оружие более страшное для правительства, чем «годы пропаганды», «века недовольства», «волнения молодежи», «проклятия тысяч жертв». Против этого оружия не помогают «ни грозные армии, ни легионы шпионов»³⁶.

Здесь проявились те «предрассудки терроризма», за которые В. И. Ленин впоследствии критиковал программные документы эсеров. «Величайший из предрассудков терроризма» — уверенность в том, что террор усиливает революционеров и ослабляет правительство, дополняющийся «теорией неуловимости» террористов³⁷.

Террор выступает у Н. А. Морозова как единственное и вполне достаточное для осуществления политической революции средство. По его признанию, всякий другой способ борьбы, кроме способа Вильгельма Телля, представлялся «безнадежным среди окружавшего нас произвола и насилия»³⁸.

Но нельзя утверждать, что взгляды Морозова разделяли все сторонники нового направления³⁹. В том же номере «Листка «Земли и Воли»», в очерке «Новый тип революционеров», о террористах говорится как о застрельщиках народной революции, как о «последних могиканах единичной и самой трудной борьбы». «Будущее — время массовых движений»⁴⁰, — утверждает здесь.

«Листок «Земли и Воли»» отразил в какой-то мере неоднородность движения, наличие групп, по-разному понимавших пути и перспективы политической борьбы. По свидетельству А. И. Желябова, в период становления нового направления некоторые революционеры полагали, «что вся наша задача состоит в расчищении пути через частые политические убийства»⁴¹. По воспоминаниям Л. А. Тихомирова, среди тех, кто «тянул к политической борьбе», были «чистые террористы» и те, кто терпел терроризм, мечтая о «государственном перевороте».

Взгляды Н. А. Морозова, хотя они не разделялись большинством «политиков», пользовались значительным влиянием. Террор создавал иллюзию действенной, результативной борьбы. Он был, по справедливому замечанию Л. А. Тихомирова, «попыткой начать революцию с теми силами, какие имелись в наличности»⁴². Именно поэтому новое направление выступает преимущественно как террористическое по своим формам борьбы.

С самого начала развития «политического» направления, борьба с правительством понимается однобоко и искаженно. В сужении понятия политической борьбы до понятия заговора В. И. Ленин видел главную и специфическую ошибку народовольцев: «Для народовольца понятие политической борьбы тождественно с понятием политического *заговора!*»⁴³. «Листок» отразил незрелость движения на данном этапе. «По-

³⁶ «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 283.

³⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 169—170.

³⁸ Н. А. Морозов. Возникновение «Народной Воли». «Былое», 1906, № 12, стр. 4.

³⁹ Такой взгляд выражен в книге В. Я. Богучарского «Активное народничество семидесятых годов» (стр. 334) в популярных книгах В. О. Левицкого «Партия «Народная Воля»» (стр. 62—63) и М. Поташа «Народнический социализм» (стр. 120). Отождествление взглядов Н. А. Морозова (его «апологии террора») со взглядами всех сторонников политической борьбы в «Земле и воле» имеется в книге Fr. Venturi. Указ. соч., Vol. II, p. 1036.

⁴⁰ «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 283.

⁴¹ «Из речей на суде А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, С. Л. Перовской», стр. 65.

⁴² Л. А. Тихомиров. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений. «Каторга и ссылка», 1926, № 3, стр. 112.

⁴³ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 316.

литики» только нащупывали правильный путь, устанавливали взгляды, искали ответы на поставленные уже перед ними жизнью вопросы.

Наряду с идейным оформлением «политического» направления шло и организационное его оформление. Первым шагом к этому было создание Исполнительного Комитета Социально-Революционной партии. Впервые это наименование появляется в прокламации по поводу убийства шпиона Рейнштейна ⁴⁴. К этому времени Исполнительный Комитет, действовавший на юге, был почти поголовно уничтожен, и «северяне» взяв себе его название, подчеркнули тем самым преемственность политической борьбы, начатой на юге. Исполнительный Комитет не имел своих устава и программы. Состав его не был твердо установлен. Под названием Исполнительного Комитета группировались все активные сторонники политической борьбы в «Земле и воле»: А. Д. Михайлов, А. А. Квятковский, Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина, А. И. Баранников, А. И. Зунделевич и др.

Чем больше «политики» набирали опыта, сил и утверждались в правильности своего пути, тем более обострялась их борьба с представителями старого направления. Особенной напряженности борьба фракций в «Земле и воле» достигла в марте 1879 г., в период обсуждения и подготовки плана покушения на царя А. И. Соловьевым. План народника Соловьева, приехавшего из Саратовской губернии с твердым намерением убить царя, встретил поддержку группы землевольцев-«политиков». Обсуждение вопроса о цареубийстве на Большом Совете, заседавшем 29 марта 1879 г. ⁴⁵ переросло в серьезные программные разногласия.

«Деревенщики» в лице Г. В. Плеханова, М. Р. Попова, О. В. Аптекмана, А. И. Игнатова резко враждебно встретили план цареубийства. Выступая на Совете, Плеханов доказывал, что подобными фактами политической борьбы подрывается основа программы «Земли и воли». «Под влиянием ваших затей,— обращался он к «политикам»,— наша организация вынуждена покидать одну за другой наши старые области деятельности, подобно тому, как Рим покидал одну за другой свои провинции под напором варваров» ⁴⁶. Тот же смысл имело и выступление на Совете О. В. Аптекмана. Главную опасность он видел в отступлении со старых позиций: «Мы легко можем совсем сойти с рельсов»,— заявлял он. Аптекман правильно предвидел, что в случае неудачи покушения, обострившаяся борьба с правительством приведет к «вторичному, третичному — целому ряду покушений, исполнение которых должна будет уже обязательно взять на себя сама партия, на собственный страх и риск». В истории «Земли и воли» это заседание Совета было самым бурным. Хотя вопрос о разрыве еще не ставился, опасность его уже ощущалась. «На этом совещании,— писал Аптекман,— впервые поднимался вопрос кардинальной, не только тактической, важности» ⁴⁷. Однако заседание закончилось решением помогать Соловьеву в его предприятии ⁴⁸.

В последующих заседаниях с целью обсуждения практических вопросов подготовки покушения участвуют и «деревенщики». М. Р. Попову, столь непримиримо настроенному на Большом Совете, «политики» предложили участвовать в наблюдениях за царем, т. е. активную роль в подготовке покушения. «Деревенщики» вместе с «политиками» подготавливали прокламации по поводу покушения ⁴⁹. Это подтверждает, что сущность разногласий «политиков» и «деревенщиков» заключалась не в

⁴⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, Коллекция нелегальных изданий. «Казнь агента тайной полиции Рейнштейна», изд. С.-Петербургской Вольной Типографии (I.III.1879).

⁴⁵ О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 359.

⁴⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 305.

⁴⁷ О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 359.

⁴⁸ М. Ф. Фроленко. Соч., т. 2, М., 1930, стр. 104; А. И. Зунделевич. Письма к Л. Г. Дейчу. «Группа «Освобождение Труда», сб., 3, 1925, стр. 207.

⁴⁹ М. Р. Попов. Указ. ст., стр. 277.

вопросе о царевубийстве, а в программных расхождениях, в различном отношении к вопросу о политической борьбе с правительством.

Догматически отрицая «политику», «деревенщики», как только вопрос становился на практическую почву, вопреки своим убеждениям вынуждены были обращаться к тем же способам борьбы, что и их противники. Они шли за «политиками» не потому, что разделяли их взгляды, а потому, что чувствовали свое бессилие, невозможность какой-либо иной деятельности. Именно в идейной несостоятельности защитников старой программы причина того, что многие из них принимали участие в террористических покушениях и причина их компромиссного поведения после Совета.

События, связанные с подготовкой и проведением плана Соловьева, показали необходимость самого широкого обсуждения положения в «Земле и воле». Было признано необходимым созвать общеорганизационный съезд. Но разногласия были уже так сильны, «политики» чувствовали себя настолько самостоятельными, что тайно решили созвать свой отдельный предварительный съезд.

Участник этого съезда Г. Д. Гольденберг показал на следствии, что переговоры «политиков» о съезде начались в конце марта, во время обсуждения плана Соловьева⁵⁰.

В мае 1879 г. был сделан следующий шаг в организационном оформлении нового направления — создана группа «Свобода или смерть» как вспомогательный боевой отряд Исполнительного Комитета. Целью создания «политиками» этой тайной организации внутри тайного общества было получить возможность без ведома и препятствий со стороны «деревенщиков» вести политическую борьбу. Организация группы говорила о стремлении «политиков» ко все большему расширению боевых, террористических действий. Группа создала динамитную мастерскую. Членами группы были С. Г. Ширяев, Г. П. Исаев, А. В. Якимов, В. Зега фон Лавуренберг, А. Б. Арончик, Н. Н. Богородский, Г. Д. Гольденберг, С. А. Иванова, В. М. Якимов, Н. С. Зацепина, Е. Д. Сергеева⁵¹.

Период с апреля по июнь прошел для «политиков» в подготовке к съездам. Ближайшая практическая задача съезда «политиков» состояла в подготовке к общеорганизационному съезду, в выработке общей тактики поведения на нем. Однако главное, для чего они собирались, было изменение старой народнической программы на основе опыта, накопленного революционным движением. Согласовать понимание необходимости политической борьбы с землевольческой программой, принять соответствующие организационные и тактические изменения — так мыслили «политики» главную цель съезда.

Необходимость этого вполне назрела. Вопрос о политической борьбе, о соотношении политики и социализма впервые был поставлен в нелегальной народнической литературе 70-х годов «Набатом». Но сама идея «ткачевцев» о захвате власти революционным меньшинством и декретировании им сверху социальных преобразований была неприемлема для «политиков», сохранявших верность основным традициям «Земли и воли». «Листок «Земли и Воли», сделавший первый шаг в преодолении стихийности нового направления, также не сумел еще ответить на все вопросы, поставленные перед революционерами жизнью. Все это и должен был сделать съезд. Выяснение программы нового направления нужно было «политикам» не для выделения из «Земли и воли».

⁵⁰ ЦГВИА, ф. С.-Пб. Военно-окружного суда, 545, оп. 2, 1880, д. 525, к-218, т. V, лл. 17—18.

⁵¹ См. А. В. Якимов. Группа «Свобода или смерть». «Каторга и ссылка», 1926, № 3, стр. 15; ГИМ, ОБИ, Альбом «Народная Воля». Группа «Свобода или смерть», автограф А. В. Якимовой; Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. III, Айзик Арончик. М., 1947, стр. 285.

«Политики» думали завоевать организацию изнутри, изменив ее программу. Большинство из них раскола не хотело, даже боялось его, связывая с ним ослабление общего революционного дела. Вера сторонников политической борьбы в возможность избежания раскола «Земли и воли» основывалась на непонимании ими глубины противоречий между старой анархистской землевольческой программой и задачами «политиков». Они думали, что нужно лишь «видоизменить» программу, «дополнить» ее признанием необходимости политической борьбы.

На съезде «политиков» в Липецке в июне 1879 г. присутствовали землевольцы А. Д. Михайлов, А. А. Квятковский, Л. А. Тихомиров, Н. А. Морозов, М. Н. Ошанина, А. И. Баранников, М. Ф. Фроленко. С юга были приглашены уже известные своим сочувствием к «политическому» направлению революционеры А. И. Желябов, Н. Н. Колодкевич, Г. Д. Гольденберг, из петербургской группы «Свобода или смерть» С. Г. Ширяев⁵².

Обсуждение программных вопросов на съезде развернулось вокруг готового проекта изменения землевольческой программы. Авторами его М. Ф. Фроленко называет А. Д. Михайлова и Л. А. Тихомирова⁵³, а Н. А. Морозов — себя, А. Д. Михайлова и А. А. Квятковского⁵⁴. Других свидетельств об авторстве нет. Проект, как это видно из его анализа, является результатом коллективного труда. Он подчинен одной идее — обособлению необходимости политической борьбы с правительством за преобразование существующего строя. «Наблюдая современную общественную жизнь в России, мы видим, что никакая деятельность, направленная к благу народа, в ней невозможна вследствие царящего в ней произвола и насилия». Отсутствие свободы слова, печати, делает невозможной мирную деятельность путем убеждений. «Поэтому всякому передовому общественному деятелю необходимо прежде всего покончить с существующим у нас образом правления». Это главное положение, безоговорочно принятое всеми на съезде, должно было положить конец безразличному отношению революционеров к существующему политическому строю. Это была новая постановка вопроса, в корне отличная от программы «Земли и воли». Это положение и составляет сущность коллективного проекта. Его последующая часть — о способах политической борьбы и ее целях — только намечена и лишена конкретности и определенности предыдущей. Коллективный проект был не проектом новой программы, а проектом изменения старой, поправкой к ней.

Цели и перспективы политической борьбы определены в проекте как достижение таких «свободных порядков, при которых можно будет беспрепятственно обсуждать в печати и на общественных собраниях все политические и социальные вопросы и решать их посредством народных свободных представителей»⁵⁵. В этом месте проекта скрыта возможность разного понимания целей политической революции.

Для Н. А. Морозова и его единомышленников политическая борьба имела одну цель — завоевание политических свобод. По признаниям Н. А. Морозова, он никогда не был убежденным социалистом. Многие

⁵² Список участников съезда впервые был раскрыт Гольденбергом, назвавшим на следствие 10 участников (ЦГВИА, ф. 545, оп. 2, 1880, ед. хр. 525, к-218, т. V, л. 21). Дознание Тамбовского жандармского управления в Липецке в июне—июле 1880 г. установило правильность сведений Гольденберга и обнаружило одиннадцатого участника — А. И. Баранникова (ЦГВИА, ф. 545, оп. 2, 1880, ед. хр. 525, к-218, т. I, 3 прилож.). Список подтвержден более поздними воспоминаниями участников съезда.

⁵³ М. Ф. Фроленко. Комментарии к статье Н. А. Морозова «Возникновение «Народной Воли». «Былое». 1906, № 12, стр. 27.

⁵⁴ Н. А. Морозов. Возникновение «Народной Воли», стр. 10.

⁵⁵ Текст проекта программы, представленный съезду «северянами», приводит в своих воспоминаниях Н. А. Морозов. Смысл его очевидно передан Н. А. Морозовым правильно. Народовольцы, при жизни которых Морозов опубликовал воспоминания, указывая на многие неправильности в его труде, не сделали никаких замечаний по проекту. См. Н. А. Морозов. Возникновение «Народной Воли», стр. 11.

ему в социализме казалось «сомнительным»⁵⁶. Он объединился с социалистами, так как видел в них боевое течение, способное к действительной борьбе в отличие от вялых, бессильных либералов, с которыми его сближали общие цели. Не протестуя против социализма, Н. А. Морозов не придавал вопросу о нем практического значения, отодвигая его решение в самое далекое будущее. Для него и его единомышленников «свободные порядки» представлялись результатом уступок в виде конституции и некоторых свобод со стороны правительства, запуганного революционным террором. Далее они мыслили «мирное развитие» путем реформ сверху.

Но требование «свободных порядков» в проекте программы могло быть понято и иначе, что и имели в виду его составители. Для большинства участников съезда «свободные порядки» представлялись результатом государственного переворота, поддержанного народным восстанием. Тогда социальная революция становилась, по их понятиям, продолжением политической или сливалась с ней⁵⁷.

Выступление на съезде А. И. Желябова по своему смыслу и значению представляло собой другой вариант проекта программы⁵⁸. Содержанием его в передаче Л. А. Тихомирова было то, что «социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и по каким-то причинам оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав». Так как при отсутствии политических свобод никакая деятельность невозможна, партия должна «взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические реформы, при которых возможна станет «идейная борьба»⁵⁹. Желябов доказывал, что социально-революционная партия не сможет бороться за свои задачи иначе, как уничтожив существующий политический строй. Политическая борьба становится задачей именно социально-революционной партии, так как в России буржуазия не способна к ней.

В выступлениях А. И. Желябова нет непосредственного упоминания о социализме, как нет его и в коллективном проекте программы северян. Все внимание на съезде было сосредоточено на обосновании необходимости политической борьбы. Но это не означало отказа «политиков» от социалистических идей, как это понимают некоторые исследователи⁶⁰. Для Желябова, как и для большинства «политиков», политическая борьба не была самоцелью. Говоря словами В. И. Ленина, они вели политическую борьбу «во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию»⁶¹. В письме Желябова к Драгоманову (1880 г.) ясно сквозит такая вера. Здесь Желябов намечает соотношение ближайших и максимальных требований в народно-вольческой программе. «Таково положение вещей, что исходишь из реальных интересов крестьянства, признаешь экономическое освобождение его за существеннейшее благо — и ставишь ближайшей задачей требования политические; видишь спасение в распадении империи на авто-

⁵⁶ Н. Морозов. Повести моей жизни, т. 4, М.—Л., 1933, стр. 276.

⁵⁷ Эта разница в понимании соотношения политической и социальной революции, на съезде определенно еще не проявившаяся, легла в основу различных течений в «Народной воле».

⁵⁸ Содержание выступления приводится в биографии А. И. Желябова, написанной Л. А. Тихомировым в 1882 г. и одобренной к печати Исполнительным Комитетом «Народной воли».

⁵⁹ К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской. «Былое», 1906, № 8, стр. 112.

⁶⁰ В. Я. Богучарский. Из истории общественно-политической борьбы в 70—80-е гг. XIX века, М., 1912, стр. 3; см. также Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 105.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 259.

номные части и требуешь Учредительного собрания». По словам Желябова, Учредительное собрание в глазах революционеров было «только ликвидаторской комиссией»⁶². В новой постановке А. И. Желябовым проблемы о соотношении социализма и политической борьбы видны еще следы прежних, бакунистских взглядов. Для него партия оказывается вынужденной к политической борьбе условиями русской действительности, ее практическими потребностями, вопреки теории, которую он вовсе не считает неправильной.

И в этом смысле Желябов отразил настроение большинства старых народников. Для них политическая борьба все еще представлялась, говоря словами Г. В. Плеханова, «вынужденным компромиссом, временным торжеством практики над теорией, насмешкой жизни над бессилием мысли»⁶³. А. Д. Михайлов указывал, что отход от теории коллективизма и анархизма не означал признания ее неправильности. Она лишь временно считалась неподходящей, отодвигалась на второй план, в то время как политическая борьба временно выдвигалась как первоочередная задача⁶⁴.

Анархизм не был полностью преодолен сторонниками нового направления, народничество никогда не смогло полностью освободиться от него. Это объясняется тем, что корни анархизма лежали в основе самой идеологии народничества.

Вопрос о целях и перспективах политической борьбы на съезде был утвержден в самой неопределенной форме. Тихомиров свидетельствует об отсутствии единодушия в этом вопросе: «Некоторые ставили своей задачей достижение известных прав; другие — народоправление, третьи — захват власти самой партией. Но, очевидно, что все эти мнения расходятся лишь в оттенках»⁶⁵. По словам М. Ф. Фроленко, заговор, переворот, захват власти с передачей ее народу — все это высказывалось, обсуждалось⁶⁶. Во всех этих различных мнениях о путях политической борьбы есть большое сходство. Сторонники «террористической» революции («теллизма»), захвата власти, государственного переворота были сторонниками различных вариантов заговорщической тактики. Заговор — вот сущность каждого из этих, казалось бы разных, пониманий политической борьбы, и в этом их глубокая общность. Корни этой ошибки лежат в том, что народовольцы «не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»⁶⁷.

Большинство участников съезда при обсуждении целей и перспектив политической борьбы склонялось к заговору, поддерживаемому народным восстанием, с последующим установлением народовластия. По словам А. И. Желябова, на съезде было практически намечено осуществление «насильственного переворота путем заговора, и для этого организация революционных сил в самом широком смысле»⁶⁸.

На Липецком съезде ставился и вопрос о расстановке общественных сил в политической борьбе партии. А. И. Желябов видел задачу партии в том, чтобы «объединить все элементы, сколько-нибудь способные к политической активности»⁶⁹. Учитывая, что либералов А. И. Желябов считал «бессильными», можно предположить, что главные надежды он возлагал на народные массы. В самой постановке вопроса о такой про-

⁶² Письмо А. И. Желябова к М. П. Драгоманову. «Былое», 1906, № 3, стр. 73.

⁶³ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 30.

⁶⁴ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Указ. соч., стр. 155—156.

⁶⁵ К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской, стр. 112.

⁶⁶ М. Ф. Фроленко. Липецкий и Воронежский съезды. «Былое», 1907, № 1, стр. 74.

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 443.

⁶⁸ «Из речей на суде А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, С. Л. Перовской», стр. 112.

⁶⁹ К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской, стр. 112.

грамме, которая могла бы объединить различные слои народа, заложена тенденция последовательно-демократического решения вопросов о земле и о власти. Решение по программным вопросам съезд принял в формулировке Желябова ⁷⁰.

Решение съезда по программным вопросам о необходимости политической борьбы с правительством было принято как поправка к старой программе «Земли и воли». Но несовместимость этой «поправки» с основами анархистской землевольческой программы сразу же превратила ее в зародыш новой программы. Утверждением необходимости политической борьбы прежде всего и определяется значение съезда, его место в развитии нового направления. Народники, таким образом, возвращаются к идее политической борьбы с самодержавием, характерной для всего русского освободительного движения от декабристов до «Земли и воли» 60-х годов, но утраченной в 70-е годы. Съезд предпринял дальнейшие шаги и в области организационного оформления нового направления. Участники съезда объявили себя Исполнительным Комитетом Социально-Революционной партии, и приняли устав, основными принципами которого были централизм, дисциплина и конспирация. В случае согласия общего съезда землевольцев с внесением в программу «Земли и воли» пункта о борьбе за политические свободы Исполнительный Комитет должен был взять эту борьбу на себя. В случае раскола он становился самостоятельной организацией ⁷¹.

Воронежский съезд землевольцев в июне 1879 г. принял компромиссное решение об «особом развитии» террористической борьбы с правительством наряду с работой в народе ⁷². Съезд не разрешил конфликта внутри «Земли и воли» и не предотвратил, таким образом, дальнейшего развития фракционной борьбы.

Последующий период окончательно показал невозможность совместной революционно-практической деятельности представителей двух противоположных направлений в рамках одной организации. 15 августа 1879 г. на Петербургском съезде представителей обеих фракций «Земля и воля» распалась на две самостоятельные организации, принявшие затем названия «Народная воля» и «Черный передел».

Переход народников к политической борьбе был шагом вперед в развитии русского освободительного движения. В. И. Ленин расценивал его как «великую историческую заслугу» народовольцев ⁷³. Лозунг борьбы с самодержавием соответствовал жизненной необходимости и способствовал развитию классовой борьбы в стране.

Преодоление анархизма народниками имело большое значение и для последующего революционного движения. Перефразируя известное высказывание К. Маркса о революции 1848 г., В. И. Ленин говорил о русском освободительном движении, что его прогресс «состоит не в завоевании каких-либо положительных приобретений, а в освобождении от вредных иллюзий». В числе их В. И. Ленин называет освобождение от иллюзий анархизма, от пренебрежения к политике ⁷⁴. Эти завоевания были в значительной степени итогом землевольческого периода. Однако, изжив анархические иллюзии, народническое движение оказалось в плену других — бланкистской теории «захвата власти» и иллюзии «единоборства с самодержавием геройской интеллигенции».

С самого возникновения движения сторонники политической борьбы она понималась ими однобоко и искаженно, как заговор. Оторванное

⁷¹ Н. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Указ. соч., стр. 135.

⁷² К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской, стр. 112—113; М. Ф. Фроленко. Комментарий к статье Н. А. Морозова «Возникновение «Народной Воли», стр. 27.

⁷³ «Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли», стр. 150.

⁷⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 442—443.

⁷⁵ См. В. И. Ленин. Соч. т. 5, стр. 65.

от движения масс новое направление в «Земле и воле» проявлялось преимущественно в терроре. Поэтому борьба народовольцев, несмотря на все ее огромное историческое значение, не является политической борьбой в марксистском понимании.

«Только массовое движение,— писал В. И. Ленин,— можно рассматривать как действительную политическую борьбу. Только в прямой, непосредственной связи с массовым движением могут и должны принести пользу и индивидуальные террористические действия»⁷⁵. Однако террористический характер народовольчества начала 80-х годов неизбежно вытекал из объективных условий русской действительности. Террор был единственной возможностью революционного действия организации, оторванной от народных масс. В этот период революционеры-террористы были кучкой героев, которые не могли ничего сделать, кроме убийств отдельных лиц. Вред террора В. И. Ленин видел в снижении революционной инициативы и деятельности масс, в отвлечении революционеров от работы в массах, от организации революционной рабочей партии. Террор поглощал все силы «Народной воли», всю энергию ее деятелей, систематически обескровливал организацию и вел ее к вырождению. Революционная практика народовольцев доказала бессилие и непригодность террора как способа борьбы, развенчала теорию единоборства горстки героев с самодержавием. И в этом смысле, несмотря на поражение народовольцев, их дело не пропало. Их опыт был воспринят последующим революционным поколением — поколением пролетарских революционеров. В. И. Ленин писал: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»⁷⁶.

В истории этих исканий, в истории этой борьбы есть вклад и революционных народовольцев.

---

⁷⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 191.

⁷⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.

